

MASIERO LUXURY

*2015
SPECIAL BLACK EDITION*

MASIERO LUXURY

GLOBE

La luce nata con un soffio

Sabbia e fuoco: la magia del vetro ha una formula che arriva da lontano. Il soffio di un vettore dell'antica Venezia dà forma e trasparenza a una massa liquida e rovente e cambia per sempre la storia di questo impasto malleabile come argilla. Con il vetro soffiato s'iniziano a sperimentare forme e colori. Vasi, calici e coppe trasparenti compaiono sui tavoli dei banchetti, bottiglie tonde come sfere sono usate per conservare profumi e balsami ricavati da fiori, spezie e piante aromatiche. Il vetro è bianco, fumè, verde e porpora e incastonato nei gioielli diventa simile a zaffiro, ametista e smeraldo. Vetrate e lampade colorate giocano con le luci e i riflessi di una materia fragile, una gemma che non si trova in natura, creata con un soffio.

Light born from a breath of air

Sand and fire: the formula for the magic of glass comes from the distant past. The breath of an ancient Venetian glassblower gave shape and transparency to a liquid red-hot mass, changing the history of the malleable dough known as clay forever. Experimenting begins on the forms and colors of blown glass. Transparent vases, goblets and bowls appear on banquet tables, bottles as round as globes contain perfumes and balms made from flowers, spices and herbs. The glass is white, smoky, green and purple, and when embedded in jewelry, it glimmers like a sapphire, an amethyst or an emerald. Colored windows and lamps play with the light and reflections of a fragile material, a gem that is not found in nature, created with a breath.

Свет, порожденный дыханием воздуха.

Песок и огонь: рецепт магического стекла зародился в далеком прошлом. Дыхание древних венецианских воздуходувов задало форму и прозрачность жидкой раскаленной массе, изменив историю пластиичной смеси, которая всегда была известна как глина. Начались эксперименты в отношении формы и цвета дутого стекла. Прозрачные вазы, кубки и чаши появляются на пищевенных столах, бутылки, круглые как сферы, содержат духи и бальзамы, изготовленные из цветов, специй и трав. Стекло изготавливается белого, зеленого и пурпурного цветов, а когда оно используется с ювелирными украшениями, оно мерцает как сапфиры, аметисты или изумруды. Цветные окна и лампы играют со светом и отражениями хрупкого материала –самоцвета, который в природе не существует, а создан дыханием.

*Vetrate e lampade colorate
giocano con le luci e i riflessi
di una materia fragile,
una gemma che non si trova
in natura, creata dall'uomo
in un soffio.*

*Colored windows and lamps
play with the light and
reflections of a fragile
material, a gem that is not
found in nature, created by
the breath of man.*

*Цветные окна и
светильники играют
со светом и
отражениями хрупкого
материала,
драгоценного камня,
который был создан не
природой, а дыханием
человека.*

Smoky Globe / 6+1 — Smoky Globe / A2+3

GLIM

Le stanze di cuoio dorato

Illuminati dai riflessi dell'acqua, i palazzi veneziani raccontano l'antico splendore della Serenissima. Dietro le facciate di marmo d'Istria che si specchiano nel Canal Grande si aprono giardini segreti e dimore sontuose, decorate secondo le mode introdotte in città dai mercanti del Mediterraneo. Tra stucchi, affreschi e cristalli, le stanze più sfarzose sono quelle tappezzate di cuoio bruno, dorato e cesellato secondo un'antichissima tecnica importata dalla Spagna musulmana e perfezionata dagli artigiani del luogo. Un tempo, oltre settanta botteghe producevano i raffinati pannelli di cuoio, dipinti con motivi floreali e animali e destinati a ricreare nelle sale patrizie suggestioni di mondi lontani.

The Gilded Leather Rooms

Lit by the reflections of water, the Venetian palazzos tell us the ancient splendours of Venice also known as the ‘Serenissima’. Behind the Istrian marble façades reflected in the Grand Canal are hidden the secret gardens and magnificent residences decorated according to the fashion trends introduced into the city by the Mediterranean merchants. Among stuccoes, frescoes and crystals, the most sumptuous rooms are those covered with gilded, dark brown leather panels embossed following an age-old technique imported from Muslim Spain and then refined further by the local craftsmen. In the old days, there were more than seventy workshops manufacturing the elegant leather panels, painted with flowery and animal patterns, destined to decorate the walls of aristocratic rooms with the fascination of remote lands.

Комнаты в отделке золотистой выделанной кожей

Венецианские дворцы, отражаемые в воде, рассказывают об античном великолепии Серениссимы. За мраморными фасадами Истрии, отражающимися в Канал Гранде, открываются тайные сады и роскошные дома, украшенные в соответствии с модой, внесенной в города средиземноморскими торговцами. Среди гипсовых орнаментов, фресковой живописи и стекла, самые великолепные комнаты обиты коричневой, золотистой выделанной кожей, обработанной в соответствии с античной техникой, внесенной из мусульманской Испании и усовершенствованной местными мастерами. В свое время более семидесяти мастерских занимались производством изысканных панелей из выделанной кожи, предназначенных для воссоздания в патрицианских залах образов далеких миров, на которых были представлены цветочные мотивы и животные.

*Tra stucchi e cristalli,
le stanze più sfarzose
sono quelle tappizzate
di cuoio bruno, dorato
e cesellato secondo
un'antichissima tecnica.*

*Among stuccos and crystals,
the most sumptuous rooms
are those covered with gilded,
dark brown leather panels
embossed following an age-old
technique.*

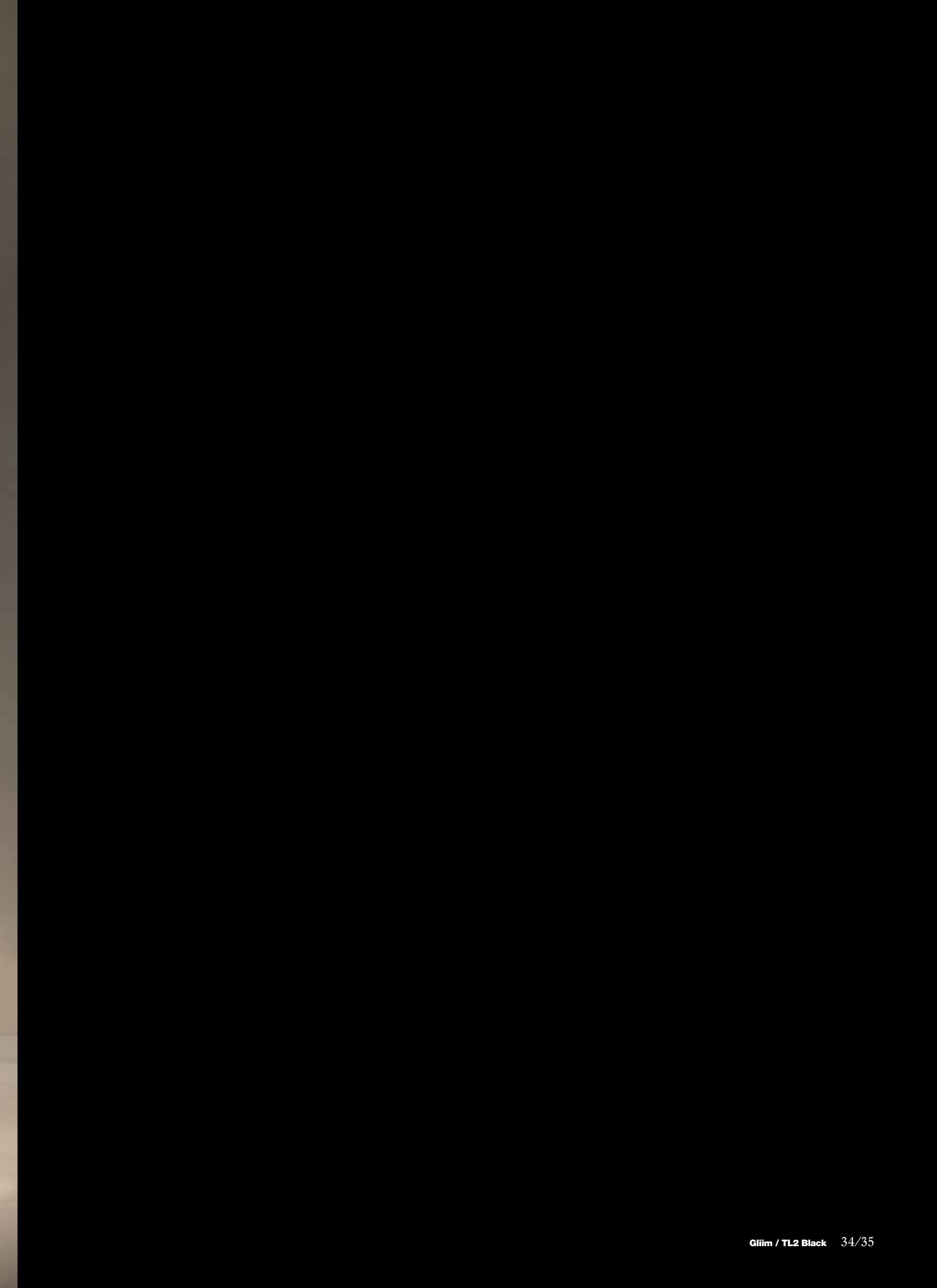
*Среди гипсовых
орнаментов и стекла,
самые великолепные
комнаты обиты
коричневой, золотистой
выделанной кожей,
обработанной
в соответствии
с античной техникой.*

GRACE

Un simbolo d'amore eterno

Il Taj Mahal è il dono che l'imperatore Shah Jahan dedicò alla moglie scomparsa. Si narra che i lavori per costruire il mausoleo durarono vent'anni e impegnarono oltre ventimila persone. Più di mille elefanti trasportarono il marmo bianco dal Rajasthan e il quarzo dal Punjab. Ventotto tipi di pietre preziose furono incastonati nella costruzione, a restituire i bagliori del chiaro di luna; l'enorme cupola venne coperta con una foglia d'oro. Il rivestimento bianco del Taj Mahal tuttora risplende come un gioiello e cambia il suo colore con la luce, rendendo omaggio, così vuole la leggenda, alla mutevolezza dell'umore femminile.

A Symbol of Eternal Love

The Taj Mahal is a gift that the emperor Shah Jahan dedicated to his dead wife. It is said that it took twenty years and more than twenty thousand people to build the mausoleum. More than one thousand elephants transported the white marble from Rajasthan and the quartz from the Punjab. Twenty-eight types of precious stones were set in the building to reflect the rays of the moonlight. The enormous dome was covered with gold leaf. The Taj Mahal's white covering continues to shine like a jewel and to change its colour along with the light, a tribute, as legend would have it, to the changing nature and moods of woman.

Символ вечной любви.

Тадж-Махал – это дар, который император Шах-Джахан посвятил своей умершей жене. Легенда гласит, что работы по постройке мавзолея длились в течение двадцати лет, и в них было занято более двадцати тысяч человек. Более тысячи слонов перевозили белый мрамор из Раджастана и кварц из Пенджаба. Двадцать восемь видов драгоценных камней, перекликающихся с сиянием лунного света, были использованы для украшения стен мавзолея; огромный купол был покрыт золотой фольгой. Белая отделка Тадж-Махала до сих пор сияет как драгоценность и меняет свой цвет в зависимости от освещения, отдавая должное изменчивости женского настроения.

*Il rivestimento bianco del
Taj Mahal tuttora risplende
come un gioiello e cambia
il suo colore con la luce,
rendendo omaggio, così vuole
la leggenda, alla mutevolezza
dell'umore femminile.*

*The Taj Mahal's white
covering continues to shine
like a jewel and to change
its colour along with the light,
a tribute, as legend would
have it, to the changing
nature and moods of woman.*

*Белая отделка
Тадж-Махала до сих
пор сияет как
драгоценность
и меняет свой цвет
в зависимости от
освещения, отдавая
должное изменчивости
женского настроения.*

AQABA

Un giardino fiorito tra il deserto e il mare

Aqaba. La gloriosa finestra da cui la Giordania si affaccia sul Mar Rosso. Il porto da cui Re Salomone salpò con i suoi uomini per le miniere di diamanti di Ophir. Al marinaio che vi sbarcava si spalancava una città ricca e fiorente, risonante di musiche e idiomi misteriosi. Da Aqaba le navi, dopo aver scaricato spezie e tessuti preziosi, prendevano il largo cariche di incenso e profumi dello Yemen. Effluvi di ogni tipo si fondevano in quell'emporio all'aria aperta: fragranze di cibi squisiti, aromi introvabili, l'odore acre delle funzioni religiose. Quando Saladino conquistò la città, i suoi possedimenti si arricchirono di un luogo che superava l'immaginazione: un giardino fiorito tra il deserto e il mare.

A Flower Garden between the Desert and the Sea

Aqaba. The glorious window from which Jordan looks out on the Red Sea. This is the port from which King Solomon and his men set sail for the diamond mines of Ophir. The sailor who disembarked here would stand agog before this rich and flourishing city, filled with music and mysterious languages. From Aqaba, after unloading their cargoes of spices and precious fabrics, ships would set sail laden with incense and perfumes from Yemen. Scents of all types would blend together in this open-air emporium: aromas of exquisite foods, of the rarest spices, the pungent smells of religious functions. When Saladin conquered the city, his lands became enriched by a place beyond his wildest imagination: a flower garden between the desert and the sea.

Цветущий сад между пустыней и морем

Акаба. Знаменитое окно, из которого Иордания выглядывает в Красное море. Порт, из которого царь Соломон отплыл со своими людьми к алмазным копям Офира. Перед моряком, который сходил здесь на берег, открывался богатый и цветущий город, со звучащей со всех сторон музыкой и непонятными наречиями. Из Акабы корабли, выгрузив здесь специи и роскошные ткани, выходили в открытое море, загрузив на борт ладан и благовония Йемена. Всевозможные запахи смешивались в этом торговом центре под открытым небом: благоухание изысканной еды, редкие ароматы, резкие запахи религиозных церемоний. Когда Саладин завоевал город, его владения обогатились местом, которое превосходило всякое воображение – цветущий сад среди пустыни и моря.

*Quando Saladino conquistò la città, i suoi possedimenti
si arricchirono di un luogo che superava l'immaginazione:
un giardino fiorito tra il deserto e il mare.*

*When Saladin conquered the city, his lands became
enriched by a place beyond his wildest imagination:
a flower garden between the desert and the sea.*

*Когда Саладин завоевал город, его владения
обогатились местом, которое превосходило
всякое воображение – цветущий сад среди
пустыни и моря.*

Aqaba / A4

Aqaba / STL 5+6

IMPERIAL

Eldorado di ghiaccio, ghiacciaio d'oro

La miniera della Rinconada ha molti nomi. Scavata nelle gelide altitudini delle Ande peruviane, è incredibilmente gravida d'oro. Ogni anno si estraggono dai suoi cunicoli quantità smisurate di metallo prezioso. Le altezze sono vertiginose: d'inverno spariscono i laghi blu e le lande desolate battute dai venti, e la valle diventa un'unica distesa di neve gelata. Solo alpacas e lama vagano indisturbati sui sentieri sconnessi che conducono alla miniera. La febbre dell'oro, qui, è storia vecchia. Da millenni chi ha l'ardire di salire su queste montagne scende carico di pepite e polveri preziose. Il tempo non ha scalfito queste rocce, da cui l'oro sembra prodursi senza fine.

Eldorado in ice, the Golden Glacier

The Rinconada mine has many names. Dug in the frozen altitudes of the Peruvian Andes, it is incredibly full of gold. Every year, its tunnels yield boundless amounts of precious metal. Its altitude is dizzying; in winter, the blue lakes and desolate lands, battered by winds become a single expanse of frozen snow. Only alpacas and llamas wander the rocky paths to the mines untroubled. Gold fever is an old story here. For thousands of years, those who have been brave enough to climb these mountains will descend bearing nuggets of gold and precious dust. Time has not affected these rocks, which seem to produce gold without end.

Ледяной Эльдорадо, золотой ледник

У рудника Ринконады много имен. Устроенный на ледяных высотах перуанских Анд, он невероятно богат золотом. Каждый год из его штолен добываются огромные количества драгоценного металла. Здесь, на головокружительной высоте зимой исчезают синие озера и обдуваемые ветрами безлюдные равнины, а долина становится неповторимой снежной пустыней. Только альпака и лама спокойно бродят по неровным тропинкам, которые ведут к руднику. Золотая лихорадка здесь – старая история. Тысячелетиями тот, кто осмеливался подняться на эти горы, спускался обратно с тяжелым грузом самородков и драгоценного песка. Эти скалы не подвластны времени – золото отсюда извлекается как будто неисчерпаемым потоком.

*Da millenni chi ha l'ardire di salire su queste
montagne scende carico di pepite e polveri
preziose. Il tempo non ha scalfito queste rocce,
da cui l'oro sembra prodursi senza fine.*

*For thousands of years, those who have been
brave enough to climb these mountains
will descent bearing nuggets of gold and
precious dust. Time has not affected these rocks,
which seem to produce gold without end.*

*Тысячелетиями тот, кто
осмеливался подняться на эти горы,
спускался с тяжелым грузом
самородков и драгоценного песка.
Эти скалы не подвластны
времени – золото отсюда
извлекается как будто
неисчерпаемым потоком.*

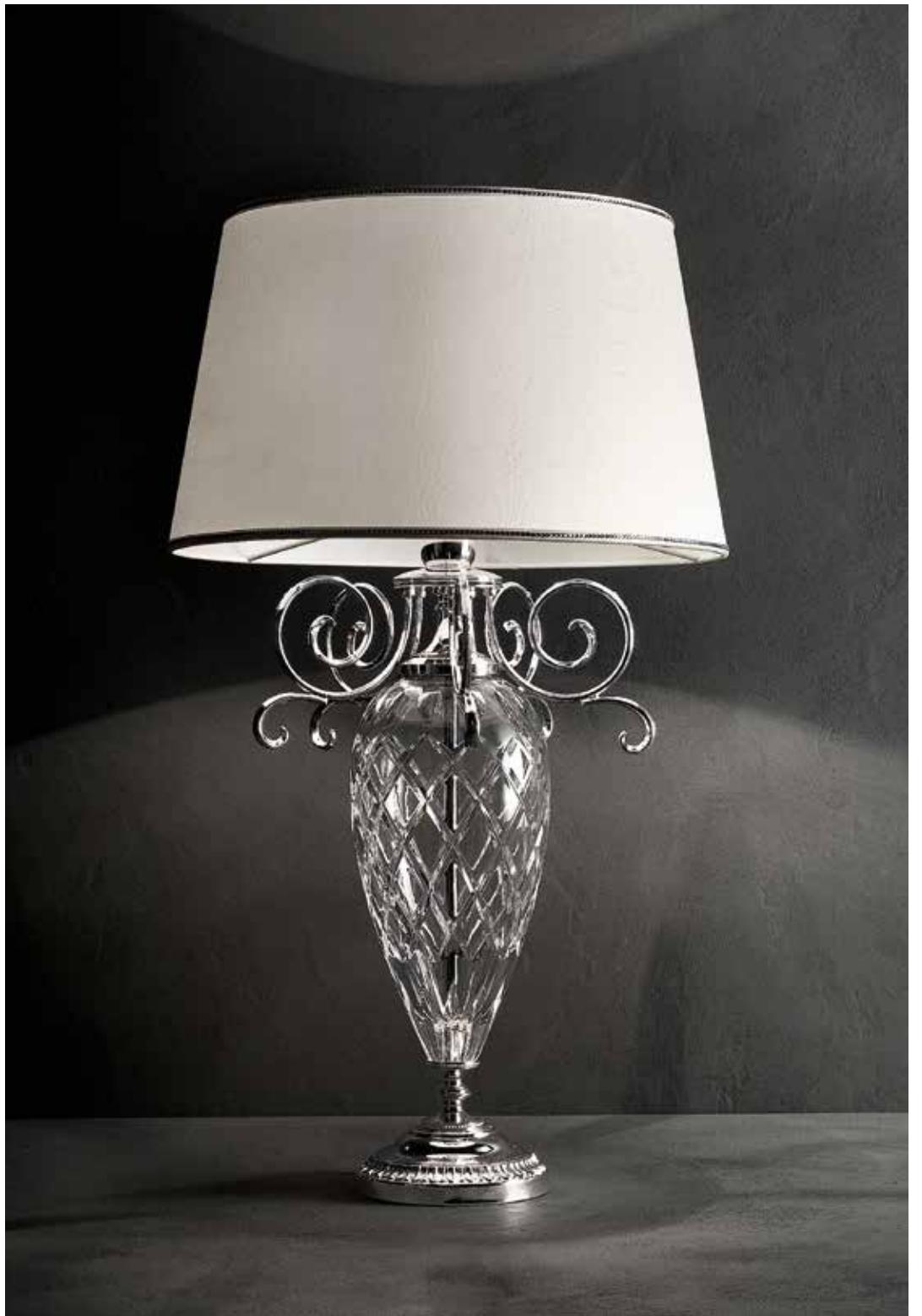
MAGNIFICA

Un trono d'argento

Ultimo scorci del 1600. Sull'impero di Luigi XIV non cala mai il sole. Nella sua reggia giungono nobili, ambasciatori e diplomatici da ogni angolo della terra. Chi chiede udienza al Re Sole è accompagnato nel Salone di Apollo, la stanza più elegante di tutta Versailles. Le pareti decorate con tessuti color porpora e stucchi dorati sono le quinte perfette per il leggendario trono regale, alto più di due metri e d'argento massiccio. È in questo salone, tra i bagliori lunari dell'argento, che si consacra il potere assoluto e inesauribile del sovrano.

A Silver Throne

A last glimpse of the 1600s. The sun never sets on the empire of Louis XIV. His palace is filled with noblemen, ambassadors and diplomats from every corner of the earth. Those requesting an audience with the Sun King are accompanied to the Apollo Room, the most elegant room in all Versailles. The walls, decorated in purple fabrics and gold stucco, are the perfect backdrop for the legendary royal throne: more than two metres high and made in solid silver. It is in this room, with the moonlike gleams of silver, that the absolute, limitless power of the sovereign is consecrated.

Серебряный трон

Конец XVII в. Над империей Людовика XIV никогда не заходит солнце. В его королевский дворец прибывают аристократы, послы и дипломаты со всех концов света. Просивших об аудиенции у Короля-Солнце препровождают в салон Аполлона – самый элегантный зал во всем Версале. Стены, декорированные тканями пурпурного цвета, и позолоченная штукатурка служат превосходными кулисами для легендарного королевского трона высотой более двух метров, изготовленного из цельного серебра. И именно в этом салоне, среди лунного сияния серебра, освящается абсолютная и неисчерпаемая власть монарха.

È nel Salone di Apollo, tra i bagliori lunari dell'argento, che si consacra il potere assoluto e inesauribile del Re Sole.

It is in the Apollo Room, amidst the moonlike gleams of silver, that the absolute and limitless power of the Sun King is consecrated.

И именно в салоне Аполлона, среди лунного сияния серебра, освящается абсолютная и неисчерпаемая власть Короля-Солнце.

ETERNITY

Una città di marmo bianco

«Ho trovato una città di mattoni, vi restituisco una capitale di marmo», amava ripetere Augusto, il primo imperatore di Roma. Fori grandiosi, basiliche, splendidi templi, portici e teatri furono costruiti a Roma negli anni del suo dominio. I marmi provenivano da tutto il bacino del Mediterraneo: alabastro e granito dall'Egitto, marmi gialli e neri dalle coste dell'Africa, rosa dalla Spagna e rossi dall'Asia Minore. L'ara pacis, imponente altare di candido marmo di Carrara, esaltò la pace ritrovata dall'impero. Nel volgere di pochi decenni Roma raggiunse il suo massimo splendore, si riflesse nei suoi marmi, divenne eterna.

A White Marble City

Augustus, first emperor of Rome liked to repeat: "I found Rome a city of bricks and left it a city of marble". Grandiose forums, basilicas, splendid temples, porticoes and theatres were all built in Rome during his rule. The marble came from all over the Mediterranean Basin: alabaster and granite from Egypt, yellow and black marble from the coasts of Africa, pink marble from Spain and red from Asia Minor. The Ara Pacis, an imposing altar in white Carrara marble, was a tribute to the rediscovered peace in the empire. In just a few decades, Rome would reach the height of its splendour and reflected in its marble, become the "Eternal City".

Город белого мрамора

«Я получил в наследие кирпичный город, а возвращаю вам мраморную столицу», – любил повторять Август, первый император Рима. Грандиозные форумы, базилики, роскошные храмы, портики и театры были построены в Риме за годы его власти. Мрамор поступал со всех концов Средиземноморья: алебастр и гранит – из Египта, желтый и черный мрамор – с африканского побережья, розовый мрамор – из Испании, а красный – из Малой Азии. «Ара пакис» – грандиозный алтарь из белоснежного каррарского мрамора, возвеличивал мир, установившийся в империи во времена Августа.

В течение всего лишь нескольких десятилетий Рим достиг своего наибольшего блеска, отражавшегося в его мраморе, и стал вечным городом.

*Nel volgere di pochi decenni,
Roma raggiunse il suo massimo
splendore. Illuminata dai suoi
marmi, divenne eterna.*

*In just a few decades, Rome
would reach the height of its
splendour, reflected in its marble,
become the "Eternal City".*

*В течение всего лишь
нескольких десятилетий
Рим достиг своего
наибольшего блеска,
отражавшегося
в его мраморе, и стал
вечным городом.*

CRISTALRY

Una foresta di cristalli

Trecento metri sotto terra. Per un essere umano la temperatura è infernale, l'umidità insopportabile. Bisogna vincere la tentazione di tornare indietro, essere veloci a guardarsi attorno. Una grotta è un bel varco per scoprire cosa c'è nelle profondità della terra. Soprattutto quando, come quella di Naica, in Messico, racchiude una quantità impressionante di giganteschi cristalli, i più grandi mai visti. Una foresta di alberi, che si ergono lucidi e bianchi come spade di ghiaccio conficcate nella terra. Sono talmente abbaglianti che ti costringono a distogliere lo sguardo, mentre arcobaleni di luce continuano la loro danza senza fine.

A Crystal Forest

Three hundred metres below ground. For a human being, this temperature is infernal; the humidity is unbearable. You need to overcome the temptation to turn back, be quick when you look around you. A cave is a great gateway to discovering what lies in the depths of the earth, above all when, like the cave of Naica, in Mexico, it contains an impressive amount of giant crystals – the largest ever seen. A forest of trees, standing up white and gleaming, like swords of ice, plunged into the ground. They are so dazzling that you have to move your gaze away, while rainbows of light continue their endless dance.

Лес из кристаллов

Триста метров под землей. Для человека температура здесь адская, влажность – невыносимая. Нужно побороть соблазн вернуться назад, быстро осмотреться вокруг. Пещера – огромный проход, открывающий то, что содержит глубины земли. Особенно, как в пещере Найка в Мексике, которая заключает в себе впечатляющее количество гигантских кристаллов – более крупных кристаллов вообще никто никогда ранее не видел. Лес деревьев, которые возносятся блестящие и белые как ледяные мечи, вонзенные в землю. Они настолько ослепительны, что заставляют отвести взгляд, в то время как радуги света продолжают свой бесконечный танец.

*La limpidezza dei cristalli
è talmente abbagliante
che ti costringe a distogliere
lo sguardo, mentre i colori
dello spettro continuano
la loro danza senza fine.*

*The clear bright crystals are
so dazzling that you have
to move your gaze away,
while rainbows of light
continue their endless dance.*

*Прозрачность
кристаллов такая
ослепительная, что
заставляет отвести
взгляд, в то время как
все цвета спектра
продолжают свой
бесконечный танец.*

Cristalry Silver/ A2 – Cristalry Gold/ TL2+3

